

Для цитирования: Ковалев, А. А.
Ментальная и экзистенциальная
безопасность человека
как философская проблема
в условиях цифровой трансформации /
А. А. Ковалев // Социум и власть. —
2025. — Т. 22. — № 2. — С. 7–25. —
EDN WLSCTS.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

EDN WLSCTS
BAK 5.7.7
УДК 1:004
ГРНТИ 02.41.11

МЕНТАЛЬНАЯ И ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА КАК ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Ковалев Андрей Андреевич,

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
| при Президенте Российской Федерации,
Северо-Западный институт
управления — филиал,
доцент кафедры государственного
и муниципального управления,
кандидат политических наук, доцент.
Санкт-Петербург, Россия.
SPIN 1380-8790
ORCID 0000-0002-7760-5732
Researcher ID ABN-1776-2022
E-mail: kovalev-aa@ranepa.ru

Аннотация

Введение. Угрозы, обусловленные развитием цифровых технологий, гибридными формами противоборства и трансформацией человеческой природы, создают новое измерение глобальной безопасности, при котором человек становится одновременно и источником, и мишенью угроз. Воздействие на когнитивную, ментальную и экзистенциальную сферы превращает безопасность в философскую проблему сохранения самого человеческого существа.
Цель. Философское осмысление экзистенциальной и ментальной безопасности человека в условиях войны нового типа, характеризующейся алгоритмическим управлением, симулятивными средами

и стратегическим разрушением субъектной целостности.

Методы. Исследование опирается на системный, антропологический и аксиологический подходы, позволяющие выявить взаимосвязь между цифровыми технологиями, ментальными формами воздействия и утратой способности к различению, критическому суждению и личностному самоопределению.

Новизна исследования. Представлено концептуальное обоснование экзистенциальной и ментальной безопасности как предельных категорий философского анализа в условиях когнитивной войны, подменяющей свободу поведения программированием решений. Предложено философское переосмысление ментальной безопасности как онтологической границы, отделяющей человека от программируемого существования.

Результаты. Сформулирована и систематизирована типология угроз — от климатических и биологических до ментальных и антропологических. Обоснована классификация систем безопасности по типам воздействия и структурам уязвимости. Установлено, что ментальное воздействие функционирует как ключевой инструмент гибридной войны, направленной на разрушение когнитивного ядра личности.

Выводы. Философия безопасности требует переосмысления как система защиты не только от физического уничтожения, но и от смыслового размывания человеческой природы. Ментальная и экзистенциальная безопасность предстает как условие сохранения человеческого в человеке — его свободы, разумности и культурной преемственности в мире, где угроза формируется внутри самой технологической среды.

Ключевые слова:

человек,
гибридные войны,
безопасное существование,
воздействие,
информация,
системы безопасности,
ментальное противостояние

Статья поступила: 26.11.2024

Рецензии получены: 06.05.2025

Принята к публикации: 12.05.2025

Права: © Ковалев А. А. (2025).
Опубликовано Челябинским
филиалом РАНХиГС. Открытый доступ
на условиях лицензии CC BY-NC 4.0

Введение

В XXI веке проблема безопасности приобретает радикально иной характер, выходящий за пределы политических и военных угроз. Цифровые технологии, системы слежения, симулятивные среды и когнитивные платформы становятся элементами глобального управления сознанием, поведением и идентичностью. Понятие безопасности сегодня определяется не только возможностью физической защиты, но и способностью удерживать человеческое в условиях агрессивного воздействия на восприятие, мышление и нравственные основания. Философское осмысление безопасности требует переопределения её сущности — как экзистенциальной структуры, охраняющей целостность субъекта в условиях цифрового риска.

Масштабные изменения на геополитическом, социально-экономическом, цивилизационном и культурном уровнях свидетельствуют о начале нового исторического цикла, отличающегося социальными и финансовыми проблемами, конфликтами и войнами. Дополнительную сложность создают глобальные экологические, климатические и демографические вызовы, требующие срочного решения [31]. В результате мир сталкивается с угрозами, затрагивающими все стороны жизни. Именно поэтому антропологический подход к философии безопасности в XXI веке приобрел особую значимость.

Мировая безопасность стала центральной темой современности. В условиях угрозы гегемонии и диктата однополярного миропорядка человечество находит спасение в построении многополярного мира, основанного на союзах равноправных государств и цивилизаций. Однако этому противодействуют колоссальные военные ресурсы США и НАТО. В 2025 году оборонный бюджет США достигнет рекордных 895 млрд долларов, а страны альянса НАТО продолжают наращивать военные расходы, обсуждая повышение целевого

показателя с 2 до 3 % ВВП¹. Такая политика удерживает в зависимости многие страны мира, и среди них не только 32 государства — члена альянса, но и около 60 других государств [25].

Концепция пределов роста, сформулированная Римским клубом ещё в 1970-х годах [12], впервые поставила под сомнение устойчивость технократической модели развития. Однако в нынешних условиях под угрозой оказывается не только биосфера, но и ментальная целостность человека. Актуальные формы вмешательства — от поведенческой аналитики до симулятивных цифровых сред — порождают новую конфигурацию глобальной нестабильности, при которой критическое мышление и культурная память превращаются в основные мишени воздействия.

Глобальные прогнозы будущего, представленные Жаком Аттали в книге «Краткая история будущего» [2], обозначили возможные сценарии трансформации власти и ресурсов в условиях нарастающего неравенства. Однако в современных условиях философский акцент смещается: перед человеком встаёт не только вопрос участия в глобальных процессах, но и проблема сохранения способности к личностному самоопределению в мире, где доминируют алгоритмы, рынки внимания и цифровые симулякры. Конфигурация будущего всё в большей степени задаётся не международными институтами, а технологическими инфраструктурами, формирующими восприятие, поведение и структуру идентичности субъекта.

Концепция «золотого миллиарда», широко обсуждаемая в публицистике и научной среде, отражает идею сознательной концентрации ресурсов и возможностей у ограниченного числа государств и транснациональных корпораций. В работах Дж. Колемана [10]

¹ Байден утвердил рекордный оборонный бюджет США на 2025 год // РБК. 24.12.2024. URL: <https://www.rbc.ru/politics/24/12/2024/676a42629a7947522df37dc3> (дата обращения: 02.02.2025).

и А. Цикунова [17] подчёркивается, что такая стратегия осуществляется не только через контроль над сырьевыми потоками и образовательными системами, но и посредством воздействия на массовое сознание, ослабления культурной идентичности и подмены ценностных ориентиров. В цифровую эпоху подобные механизмы приобретают новые формы: фильтрация информации, когнитивная перегрузка и алгоритмическое моделирование предпочтений превращаются в инструменты незаметного давления, при котором управление осуществляется не через принуждение, а через поведенческое программирование.

В работах Ю. Харари, Г. Киссинджера и Ш. Зубофф [7; 9; 15; 16] обозначены ключевые векторы трансформации человеческого общества в условиях цифровой эпохи. Харари связывает становление человеческой цивилизации с когнитивной революцией и культурной способностью к абстрактному мышлению, в то время как в более поздних текстах акцентирует риски цифровой диктатуры и утраты личного суверенитета. Киссинджер поднимает проблему конфликтности глобальных моделей мироустройства, подчёркивая трудности формирования единой системы управления в условиях культурной фрагментации. Зубофф демонстрирует, как цифровые технологии превращаются в надзорную среду, подменяя свободу поведения режимом предсказуемости и управляемости. Все эти концептуальные позиции указывают на то, что угроза будущего связана не только с геополитикой, но с разрушением механизмов мышления, утратой способности к различению, суждению и субъектной автономии.

На конференции «Риски будущего», проходившей в 2018 году в Институте Санта-Фе, обсуждалась концепция антропологического перехода, согласно которой стремительное развитие технологий ведёт к трансформации человека как биологического и социального вида. Предполагается, что возникнут формы существования, радикально

отличающиеся от *Homo sapiens* по структуре сознания и способам взаимодействия с миром. В книге «Ковид-19: Великая перезагрузка» [20] Клаус Шваб и Тьерри Маллере рассматривают пандемию как точку биополитического перелома: обострение глобального кризиса ускорило процессы трансформации общества через внедрение цифровых режимов контроля и дистанционных форм регуляции. За риторикой устойчивости и справедливости всё чаще скрываются алгоритмические технологии, направленные на прогнозирование поведения, управление телесностью и дисциплинирование сознания.

Мышление о безопасности сегодня требует не только отказа от устаревших концепций глобального равновесия, но и переосмысления самой природы угроз. В условиях радикального цифрового сдвига опасность больше не проявляется в форме прямого насилия — она принимает форму технологического конструирования восприятия и подчинения субъектной автономии через повседневные цифровые среды, встроенные в структуру социальных практик. Использование беспилотных летательных аппаратов, боевых нейросетей и алгоритмов, управляющих телесностью, вниманием и поведенческими реакциями в реальном времени, смещает проблематику безопасности в область, где разрушение начинается с незаметного подрыва когнитивной самостоятельности.

Никакая философия безопасности, ограниченная рамками политики или экономики, уже не отвечает характеру происходящих трансформаций. Угроза смещается внутрь субъекта — в область его способности формировать суждение, распознавать смысловые искажения, сохранять самостоятельность восприятия. Мы живём в реальности, где ментальное подчинение осуществляется не через прямой запрет, а посредством формирования предсказуемых траекторий сознания. Именно поэтому философская рефлексия должна быть направлена не на описание внешних рисков, а на выявление скрытых меха-

низмов воздействия, проникающих в структуру личности. Ментальная безопасность предстает не как прикладной режим защиты, а как предельная форма сопротивления размыванию человеческого измерения.

Цель статьи — философское осмысление трансформации глобальной безопасности в условиях цифрового воздействия через анализ ментальной и экзистенциальной уязвимости человека как субъекта.

На основании представленной цели были сформулированы следующие задачи:

- 1) Систематизировать формы безопасности в логике их влияния на субъектную целостность человека;
- 2) Выделить экзистенциальную безопасность как философски ключевую для современного мира;
- 3) Проанализировать угрозы ментального противостояния как форму трансформации глобальной безопасности.

Системный подход к исследованию безопасности позволяет объединить различные ее виды в единую концепцию и выявить принципиальную основу, необходимую для выживания и развития природы, общества, культуры, науки, технологий и виртуальной реальности. В центре концепции находится Человек и его способности преодолевать возникающие проблемы и сложности современного мира.

Системы безопасности

В глобальном масштабе и с философской точки зрения цивилизационное противостояние, постепенно переходящее в полноценную ментальную войну, можно рассматривать как всеобщую войну за само существование Человека и за сохранение человеческого (гуманного) начала в человеке. Пространства, в которых ведется такая война, охватывают все аспекты человеческой жизни: это Земля, воздух, вода (океаны и моря), космос, а также информационное и киберпространство. Помимо физической

среды война затрагивает психосферу (воспитание), социум (семью, школу, университеты, культурные клубы), ментальное пространство (сферу разума и борьбу за него), а также духовное пространство, охватывающее нравственность, религию, искусство, литературу и философию.

В XXI веке проявилось глобальное онтологическое противоречие, смысл которого заключается в том, что человек стал создавать угрозы для самого существования человечества, всего живого и планеты в целом. В условиях кризиса переходного периода истории возникают новые противоречия, а диалектика бытия мира направлена на поиск объективных решений. Преодоление глобальных проблем приводит к формированию новых моделей безопасности, охватывающих весь мир и нацеленных на сохранение разума, жизни на Земле и самой планеты.

Современная философия, сохраняя преемственность с классической традицией и опираясь на универсальные законы бытия и мышления, выполняет не просто аналитическую, но и конструктивную функцию в осмыслении глобальных угроз. Философское знание позволяет выявлять фундаментальные закономерности, управляющие развитием цивилизации, анализировать механизмы возникновения кризисов и находить способы их преодоления. В условиях трансформации мира и усложнения вызовов, угрожающих как физическому, так и метафизическому существованию человечества, философия выступает не только как дисциплина рефлексии, но и как инструмент прогнозирования и проектирования будущего. Систематизация глобальных угроз предполагает их классификацию по онтологическому, эпистемологическому, антропологическому, социальному и технологическому уровням. В онтологическом аспекте речь идет о фундаментальных кризисах, затрагивающих само основание бытия — изменение климата, утрату биоразнообразия, угрозу ядерного уничтожения и истощение ресурсов.

Эпистемологическое измерение касается кризиса познания, подрыва объективности научного знания, манипуляции сознанием и распространения неконтролируемых информационных потоков. В антропологической плоскости рассматриваются дегуманизация, утрата идентичности, трансформация человеческой природы через биотехнологии, подмена естественных процессов искусственными моделями существования. Социальные вызовы охватывают неравенство, конфликты, нестабильность государств и разрушение традиционных институтов. Технологическое измерение затрагивает риски цифрового тоталитаризма, подчинения человека алгоритмам и утраты контроля над искусственным интеллектом. Философия безопасности требует перехода от описательных формулировок к построению концептуальных рамок, в которых проблематизируется не только внешняя угроза, но и разрушение способности субъекта к суждению, смыслопорождению и автономии. В условиях цифрового давления безопасность предстает как предельная форма удержания человека внутри человеческого — как сопротивление программируемой реальности и нормализованной утрате свободы. Современный мир нуждается в концепциях безопасности, способных не только реагировать на возникающие угрозы, но и предвосхищать их, выстраивая механизмы адаптации, устойчивости и ментальной сохранности человека. Система объективных и необходимых мер, разработанная на основе философской антропологии и социальной философии, должна учитывать не только рациональные, но и экзистенциальные аспекты бытия. Формирование эффективных стратегий требует осознания природы человеческого разума, его пределов и возможностей, способности к кооперации, солидарности и культурному самосохранению. Без философского осмысления невозможно выработать долгосрочные принципы защиты человечества, поскольку любая стратегия,

лишенная мировоззренческой основы, рискует стать инструментом ситуативного реагирования, а не системного преодоления кризисов.

Действующая система безопасности охватывает широкий спектр направлений, от глобальной до индивидуальной, от космической до климатической, от биологической до ментальной. Многообразие угроз и вызовов формирует объективную потребность в систематизации безопасности как глобального явления. Антропологическая природа глобальной безопасности состоит в том, что именно человек становится одновременно и субъектом, и объектом опасности. Человек покоряет природу, стремится властвовать над ней и при этом посягает на свою собственную идентичность, пытаясь изменить генетический и культурный коды, свою имманентно присущую антропологическую природу. Именно человек как высшее существо природы и как субъект, взаимодействующий с ней в гармонии, должен создать жизнеспособную систему безопасности [21].

Объектами защиты в системе безопасности XXI века выступают природа, общество и человек, при этом угрозы могут быть как глобальными, так и локальными. Под безопасностью следует понимать состояние защищенности (приемлемого ее уровня для нормального функционирования системы) от вероятного нанесения ущерба, способность к сдерживанию/парированию опасных воздействий и влияний, а также оперативную компенсацию нанесенного ущерба [8, с. 387]. Среди всех вероятных угроз можно выделить их четыре основных типа: 1) природные явления, несущие реальную и потенциальную опасность для человека; 2) антропогенные угрозы, источником которых является человек, а объектом воздействия — природа и общество; 3) создаваемые человеком и его деятельностью угрозы, негативно воздействующие на общества, государства и целые цивилизации; 4) угрозы, при которых объектом воздействия становится сам человек как

биологический и антропологический вид [29, р. 196–197].

Таким образом, и системы безопасности будут описаны, исходя из перечисленных типов угроз. Итак, рассматривая природу как источник угрозы, можно выделить ряд систем безопасности, среди них:

1. Климатическая безопасность направлена на анализ и прогноз изменений климата на Земле, учитывая его динамическую природу и воздействие на природные и социальные системы. Климат претерпевает постоянные изменения, имеющие как естественные, так и антропогенные причины, приводя к трансформации природных условий и постепенному нарушению процессов жизнеобеспечения в ряде регионов. Нестабильность климатической системы влияет на глобальные экосистемы, водный баланс, сельскохозяйственное производство, функционирование инфраструктуры и распределение природных ресурсов. В условиях климатических колебаний ключевой задачей становится изучение закономерностей их проявления, выявление долгосрочных тенденций и прогнозирование последствий для различных регионов планеты. Разработка научных прогнозов и стратегий адаптации становится важным направлением, позволяющим оценивать риски, связанные с изменениями температурных режимов, уровня осадков, природными катастрофами и другими последствиями климатической нестабильности. Полное понимание климатических процессов необходимо для выработки долгосрочных решений, способных обеспечить устойчивость экосистем и человеческих сообществ в новых условиях существования [22];

2. Космическая безопасность охватывает защиту человечества от угроз, возникающих за пределами земной атмосферы: падения астероидов и комет, вспышек на Солнце, космического излучения, влияния магнитных бурь, а также рисков, связанных с деятельностью человека в околоземном пространстве. Естественные космические явления оказывают воздействие на климат,

функционирование спутниковых систем, энергетическую инфраструктуру и биологические процессы. Магнитные бури и всплески солнечной активности способны нарушать работу электрических сетей, телекоммуникаций и систем навигации, создавая сбои в функционировании важных технологических комплексов. Наряду с природными угрозами возрастают риски техногенного характера: засорение орбиты космическим мусором, угроза столкновения спутников, возможные конфликты в сфере освоения космоса. Развитие технологий и увеличение присутствия человека в космосе приводят к усложнению системы безопасности, требующей постоянного изучения процессов, влияющих на устойчивость жизнедеятельности на Земле. Изменения в космической среде становятся фактором, влияющим на глобальные и локальные процессы, определяющим характер взаимодействия между природными и технологическими системами;

3. Экологическая безопасность обеспечивает защиту человечества и экосистем от угроз, возникающих в результате природных катаклизмов: извержений вулканов, землетрясений, цунами, ураганов, наводнений, оползней и других явлений, способных разрушительно воздействовать на природу и человека. Процессы, происходящие в литосфере, гидросфере и атмосфере, оказывают влияние на климат, биоразнообразие, водные ресурсы, сельское хозяйство и инфраструктуру, создавая риски для жизнедеятельности населения. Стихийные бедствия приводят к разрушению экосистем, загрязнению водоемов, истощению земель и утрате биологических видов, приводя к долгосрочным последствиям для регионов, подвергшихся природным катастрофам. Последствия природных процессов усугубляются антропогенной деятельностью, способствующей разрушению экосистем, изменению экологического баланса и повышению уязвимости территорий перед природными явлениями [23, р. 371];

В случае, когда человек предстает как источник угроз для природы и об-

щества, выделяются следующие системы безопасности:

1. Природоохранная безопасность имеет основной целью защиту природы от воздействий антропогенного характера, проявляющихся в загрязнении окружающей среды промышленным производством и сельскохозяйственной деятельностью, сокращении площади лесов вследствие их интенсивной вырубки, влиянии на биоразнообразие, связанного с браконьерством и разрушением естественных экосистем, а также многих других факторов. В отличие от экологической безопасности, ориентированной на защиту человека и его среды обитания от природных катаклизмов и негативных изменений в экосистемах, природоохранная безопасность сосредоточена на сохранении самой природы, минимизации разрушительного воздействия человеческой деятельности и поддержании устойчивости природных систем. Человек, выстраивая механизмы защиты окружающей среды, одновременно является объектом и субъектом этих процессов, поскольку, создавая угрозу, вынужден направлять свои усилия на борьбу с ней. Взаимосвязь между природоохранной и экологической безопасностью проявляется в том, что разрушение экосистем неизбежно отражается на качестве жизни людей, но ключевая задача природоохранных мер заключается именно в предотвращении деградации окружающей среды как самостоятельной ценности [24].

2. Научная безопасность складывается в условиях становления и развития биотехнологий и генетических исследований. Природа и общество испытывают на себе разные воздействия по ряду причин, среди которых прорывы в изучении биоинформатики, геномной инженерии, искусственного интеллекта (ИИ). Биоинформатика открыла возможность расшифровки геномов, создания персонализированной медицины, разработки биологических алгоритмов для диагностики заболеваний и прогнозирования их течения. Генная инженерия позволила редактировать ДНК с приме-

нением технологии CRISPR-Cas9, давая перспективу лечения наследственных заболеваний, но одновременно порождая этические вопросы, связанные с возможностью модификации человеческого эмбриона, изменением природного биоразнообразия, созданием искусственных форм жизни. Искусственный интеллект в научных исследованиях привел к автоматизированному анализу огромных массивов данных, моделированию лекарственных препаратов, управлению роботизированными хирургическими системами, однако рост возможностей ИИ вызывает опасения, связанные с автономностью систем, ошибками алгоритмов, утратой контроля над их решениями. Безусловно, изначальная цель достижений в указанных областях носит позитивный характер, однако вероятность наступления негативных непредсказуемых последствий остается высокой, особенно при использовании биоинженерии в медицине, сельском хозяйстве и фармацевтической промышленности. Научный прогресс несет в себе определенные риски и даже угрозы, поэтому научная безопасность как одно из направлений общей системы безопасности направлена на защиту окружающей среды и человека, учитывая этический аспект, от последствий быстрого и зачастую бесконтрольного развития науки;

3) Техническая и технологическая безопасность проистекает от предыдущей разновидности безопасности и призвана предотвращать негативные последствия от стремительного внедрения в жизнь новых технологий. Например, такие отрасли, как атомная энергетика, цифровые технологии, химическая промышленность, изначально направленные на улучшение качества жизни человечества, несут немалую угрозу технологической и технической безопасности. В результате наступления неблагоприятных последствий страдает экология, а также возникают социальные катастрофы и потрясения. Итак, под обеспечением технической безопасности подразумевается деятельность, направленная на

предотвращение различных аварий, в частности, посредством контроля состояния оборудования; технологической безопасности — предотвращение или сведение к минимуму рисков и угроз в цифровой среде, например, к технологической безопасности относится кибербезопасность [28, р. 18-19].

Если человек рассматривается в качестве угрозы для общества и его культурного наследия, то следует выделять такие системы безопасности, как:

1. Политическая безопасность нацелена на внутри- и внешнеполитическую стабильность, которая направлена на защиту от различных угроз (экстремизма, терроризма, внешнего вмешательства и пр.). Ключевая цель в процессе обеспечения политической безопасности — недопущение дестабилизации, которая может быть спровоцирована внешними и внутренними обстоятельствами. Например, в период избирательных кампаний, особенно на высшем уровне, от государства требуется уделять особое внимание обеспечению политической безопасности во избежание нарушения общественного порядка и несанкционированного вмешательства в выборы.

2. Цивилизационная безопасность связана с сохранением цивилизационной идентичности, выражающей самобытность народа и нации, через защиту культурного наследия, исторической памяти, традиций и уникального мировосприятия. Процессы глобализации создают угрозу культурной и национальной самобытности, способствуя распространению универсальных стандартов, подрывающих многовековые традиции и сложившиеся мировоззренческие ориентиры. Исторические трансформации, миграционные потоки, изменение информационной среды и расширение влияния массовой культуры оказывают воздействие на национальные особенности, приводя к ослаблению культурных границ и изменению идентичности. Информационные, идеологические и ценностные влияния размывают традиционные представления о семье, обществе,

государстве и духовных ориентирах, формируя новые модели социального поведения, вступающие в противоречие с исторически сложившимися нормами. Нарушение преемственности культурных кодов приводит к утрате связи поколений, снижению значимости исторического опыта, постепенному вытеснению уникальных элементов цивилизационного наследия.

3. Экономическая безопасность обусловлена устойчивостью государства перед угрозами, возникающими в финансовой, производственной и торговой сферах. Периоды экономического давления, торговых войн, санкций и нестабильности приводят к ослаблению национальных экономик, нарушению хозяйственных связей и сокращению возможностей для развития. Местные кризисы способны перерастать в системные потрясения, оказывая влияние не только на внутреннюю ситуацию, но и на международные рынки, где высокая степень взаимозависимости делает последствия экономических шоков особенно ощутимыми. Дестабилизация в одной из ключевых отраслей или секторах экономики может привести к масштабным дисбалансам, росту инфляции, снижению уровня жизни населения и ослаблению позиций государства на международной арене. Сложность экономических процессов, подверженных влиянию множества факторов, среди которых финансовые спекуляции, долговые кризисы, сырьевые дисбалансы и технологическая зависимость, делает угрозы в данной сфере особенно значимыми. Изменения в глобальных экономических механизмах создают дополнительные вызовы, влияя на структуру национальных экономик, уровень конкурентоспособности и способность государств адаптироваться к новым условиям.

4. Национальная безопасность охватывает защиту государства от угроз, связанных с территориальной целостностью, независимостью и устойчивостью внутренних структур. Политические, военные, экономические и социальные факторы формируют

сложную систему рисков, влияющих на стабильность страны и ее позиции в мире. Геополитическая напряженность, территориальные споры, рост конкуренции за дефицитные ресурсы, а также новые формы противоборства, развивающиеся в условиях технологического прогресса, создают вызовы, требующие учета широкого спектра факторов. Угроза дестабилизации может исходить как из внешней среды, так и формироваться внутри страны, проявляясь в росте социальных противоречий, ослаблении доверия к институтам власти, кризисах управления и подрыве основ государственного устройства. Распространение идеологических концепций, направленных на ослабление суверенитета, способствует увеличению внутренних рисков, затрагивая вопросы идентичности, правопорядка и взаимодействия общества с государством. Влияние транснациональных структур, изменение баланса сил на международной арене, рост нестабильности в регионах, граничащих с государством, создают дополнительные угрозы, способные повлиять на национальные интересы.

В случае, когда человеку как биологическому и антропологическому виду угрожает сам человек, имеют место следующие системы безопасности:

1. Антропологическая безопасность определяется сохранением человеческой сущности, подверженной воздействиям, способным изменить биологическую, когнитивную и культурную основу личности. Под угрозой оказываются структура генетического кода, механизмы мышления, восприятие реальности, система базовых ценностей и укорененные традиции, обеспечивающие преемственность развития общества. Влияние биотехнологий, концепций трансгуманизма, достижений генной инженерии и искусственного интеллекта порождает риски, способные трансформировать природу человека, размывая границы между естественным и искусственно сконструированным существованием. Усиление технологического вмешательства в

психику, физиологию и эмоциональную сферу ведет к появлению новых форм идентичности, не всегда соответствующих исторически сложившемуся пониманию человеческой природы. Цифровизация, алгоритмизация решений, внедрение машинного анализа в процессы мышления способны ограничить автономность личности, превращая человека в объект технологического управления.

2. Биологическая безопасность направлена на предотвращение угроз, возникающих в результате неконтролируемого использования биотехнологий, распространения патогенных микроорганизмов и применения биоружия. Развитие генной инженерии, синтетической биологии и экспериментов с модификацией живых организмов создает риски появления неконтролируемых мутаций, новых форм заболеваний и искусственно созданных вирусов, способных нарушить биологическое равновесие. Опасность представляют не только преднамеренные манипуляции с ДНК, но и вероятность утечки патогенов из лабораторий, приводящей к масштабным эпидемиологическим угрозам. Нарушение естественного обмена вирусами и бактериями между видами, вызванное вмешательством в экосистемы, увеличивает риск появления новых инфекций, угрожающих здоровью населения. Проблема биологической безопасности усугубляется растущими возможностями биотехнологий, способных влиять на человеческий организм на клеточном уровне, изменяя физиологические процессы и структуру иммунной системы. Генетические манипуляции, направленные на изменение человеческого организма, несут риски не только для здоровья отдельного человека, но и для будущих поколений, подвергая угрозе устойчивость биологического вида в целом.

3. Ментальная безопасность представляет собой философскую категорию, отражающую предельный уровень защиты человека как субъекта, способного к пониманию, ориентации и автономии. Она принципиально от-

личается от информационной безопасности, ориентированной на защиту каналов и потоков передачи данных, и от экзистенциальной безопасности, связанной с угрозами физическому бытию. Ментальная безопасность сосредоточена не на внешних источниках воздействия, а на самой структуре восприятия — на устойчивости когнитивных и ценностных оснований, делающих возможной человеческую свободу.

В условиях цифровой эпохи формы ментального воздействия выходят за пределы традиционной пропаганды и приобретают системный, структурный характер. Алгоритмы персонализированных информационных потоков, технологии симуляции, нормативное кодирование смыслов и стратегическая когнитивная нагрузка формируют новое поле угроз, в котором подчинение осуществляется не через запрет, а через внедрение модели поведения, воспринимаемой как собственный выбор.

Ментальная безопасность тесно связана с экзистенциальной: разрушение когнитивного ядра личности ведёт не просто к дезориентации, а к утрате самой возможности оставаться субъектом. А. М. Ильницкий вводит понятие «ментальной войны» как формы долговременного и структурного воздействия на способность различать, сохранять идентичность, удерживать ценностный код и мыслить суверенно¹. При таком понимании ментальная безопасность предстает не как прикладная мера, а как онтологический рубеж, отделяющий человека от программируемого поведения и симулированной реальности.

Экзистенциальная безопасность человека

Человек в системе безопасности занимает одно из центральных мест, выступая одновременно в роли объекта угроз и субъекта, способного их

создавать. Анализируя безопасность личности и ее место в общей структуре, необходимо учитывать категорию «страх» («социальный страх»). Чем больше тревожных ожиданий присутствует в обществе, тем легче подчинить его управлению и манипулировать массовым сознанием [11, с. 35]. Возникновение социальных страхов во многом обусловлено влиянием опосредованных источников: СМИ, интернета, мнения экспертов, массового научного сознания и других факторов [13, с. 102]. Искусственное формирование подобных настроений становится инструментом воздействия, позволяющим изменять восприятие и поведение людей в интересах тех, кто управляет процессами.

В условиях всеобъемлющего потенциального страха остро встает вопрос безопасности экзистенциального уровня. Выстраивание ее системы представляет собой попытку приближения взаимосвязанной структуры «человек-мир» к балансу и гармонии. Формирование условий, при которых появляется возможность уравновесить, «подружить» между собой человека и окружающую среду, становится одним из направлений осмысления данной категории. «Тревожность, как состояние жизни, есть плата за открытость новой реальности и плата за выборы, которые человек осуществляет» [1, с. 68]. Такое восприятие справедливо, поскольку внешние вызовы возлагают на личность ответственность за поддержание собственной стабильности и устойчивости при столкновениях с окружающим миром.

Перечисленные ранее области человеческого существования, требующие организации и обеспечения системы безопасности, демонстрируют постоянное пребывание человека в зоне опасности, что означает его существование в «обществе риска» [4]. Для того чтобы экзистенциальная безопасность была на должном уровне, человеку необходимо оставаться самим собой в ситуациях опасности, а для этого нужно, во-первых, признать свою потребность

¹ Ильницкий А. М. Ментальная война за будущее России // Звезда. 21.04.2021. URL: <https://zvezdaweb.ru/news/20214211636-jxgHZ.html> (дата обращения: 01.05.2025).

в безопасности; во-вторых, осмыслить собственное существование; в-третьих, найти смысл жизни (у каждого человека он свой) [3, с. 95]. Иными словами, человек, стремясь к обеспечению экзистенциальной безопасности, должен понять и признать наличие множества независимых от него и не подвластных ему обстоятельств. Опасности и вызовы окружающей действительности подвигают к осознанию собственной жизни, осмыслению мироздания не для того, чтобы погрузиться в хаос или воспринимать внешний мир как перманентно враждебный, а ради приобретения новых умений и понимания рисков как движущей силы, способствующей самосовершенствованию.

При этом важно осознавать, что человек, стремясь сделать свою жизнь более комфортной и технологичной, провоцирует новые риски. Одним из направлений, вызывающих дискуссии, является искусственный интеллект и его социально-философское осмысление [26, р. 29–32]. В научном сообществе сложились две противоположные позиции. Согласно одной точке зрения, искусственный интеллект и разработанные на его основе системы могут стать источником будущих конфликтов с человеком, особенно в вопросах, связанных с предоставлением прав. Об этом предупреждал британский физик-теоретик, космолог и популяризатор науки Стивен Хокинг. В интервью BBC в 2014 году он выразил обеспокоенность по поводу развития искусственного интеллекта, отметив: «появление полноценного искусственного интеллекта может стать концом человеческой расы»¹. Хокинг подчеркивал — примитивные формы искусственного интеллекта уже доказали свою полезность, но создание систем, способных самостоятельно совершенствоваться, приведет к непредсказуемым последствиям для человечества. С другой стороны, нейрофизиолог Майкл Грациано напоминает: смодели-

ровать сознание человека пока не удалось, искусственный интеллект им не обладает, а разработанные для узких специализированных задач системы никогда не смогут заменить многозадачного человека и не вступят с ним в конфликт на равных [27, р. 139]. В любом случае множество вопросов этического характера продолжает волновать человечество. Развитие многозадачности в сфере искусственного интеллекта рассматривается как более перспективное направление, чем у живого человека, ограниченного влиянием субъективных факторов. Машины, способные анализировать сложные данные для освоения и совершенствования конкретных навыков, а также имитировать интеллектуальные функции, уже не являются редкостью [6, с. 73].

Экзистенциальные опасности усиливают свое негативное влияние на человека в ситуациях экономической, политической и социальной нестабильности. Подобные состояния на протяжении тридцати лет переживают жители России. Помимо физических препятствий к благополучию (войны, безработица, низкий уровень жизни и пр.) существуют и нефизические угрозы — отсутствие общегосударственной идеологии, ментальные войны, тотальная вестернизация, использование религиозных чувств в манипулятивных целях, колебания между сближением и противостоянием с Западом, противоречие между гуманизмом и трансгуманизмом и многие другие. Нефизические опасности усиливаются за счет виртуальной реальности, создающей дополнительные угрозы безопасности человека, среди которых манипуляция сознанием, возникновение интернет-зависимости, уход от реальности (эскапизм), вовлечение в деструктивную деятельность, в том числе в террористические сети [14]. Апелляция к возможностям виртуальной реальности и глобальной цифровизации позволяет западному миру, управляемому Соединенными Штатами Америки, вести гибридную войну против незападных государств, в том числе против России.

¹ Хокинг предсказал угрозу человечеству от искусственного интеллекта // BBC Russian. 02.12.2014. URL: https://www.bbc.com/russian/science/2014/12/141202_hawking_ai_danger (дата обращения: 02.02.2025).

Безопасность в условиях обострения ментального противостояния Запада с Россией

Основываясь на постулатах теории «управляемого хаоса», разработанной Стивеном Манном [30], США и их союзники стремятся сохранить однополярный мир. Запад развязывает гибридные войны, вводит экономические санкции и провоцирует прокси-конфликты в разных регионах мира с целью разрушения национальных сообществ и этнических групп. Для сохранения своей гегемонии Запад объединяет усилия, используя агрессию, оккупацию и неокolonизацию, не отказываясь от главной цели — контроля над людьми и мировыми ресурсами.

Используя достижения цифровой цивилизации, США и НАТО при поддержке транснациональных корпораций и финансовых магнатов вовлечены в интенсивную гонку вооружений. Крупнейшие оборонные компании, такие как Lockheed Martin, Boeing, Northrop Grumman, Raytheon и General Dynamics, играют ключевую роль в разработке и производстве современных систем вооружений. В 2024 году оборонный рынок США оценивался в 617,29 млрд долларов США, и ожидается его рост до 651,16 млрд долларов США к 2032 году¹. Создаются многочисленные и дорогостоящие виды оружия для войн нового типа, которые ведутся не только на поле боя, но и в сознании людей, в киберпространстве, в космосе и виртуальных коммуникациях. Огромные суммы вкладываются в разработку средств уничтожения, травмирования людей и разрушения их психики и нравственности.

Войны нового типа, инициируемые западными странами, становятся все более разнообразными по методам воздействия. Страны НАТО ведут ментальные войны, основанные на информационных, когнитивных, мета-

физических и психологических методах влияния. Операции проводятся армиями специалистов альянса из Эстонии, Латвии, Литвы, Польши, Болгарии, Венгрии, Румынии и Словакии, где размещены многонациональные боевые группы². Цель подобных действий — порабощение мышления и внедрение специфических западных ценностей, противостоящих традиционным гуманистическим идеалам.

Изменение мировоззрения позволяет дестабилизировать ситуацию в странах, где ведутся ментальные войны. Для облегчения подчинения и колонизации государств специалисты используют информационные и когнитивные инструменты, стремясь превратить население в потребителей, ориентированных на чувственные удовольствия; гедонистов, сосредоточенных на базовых инстинктах; людей с машинным мышлением, лишенных знания своей истории и культуры. Личности, существующие в постоянном информационном шуме, теряют способность к критическому анализу. В подобных условиях принципиальное значение приобретает информационная безопасность, предполагающая восприятие человека как субъекта информационных отношений. Основные угрозы связаны со степенью доступности сведений (недостаточность или избыточность), а также с их качеством, поскольку распространение недостоверных и ложных данных формирует искаженное восприятие реальности [18, с. 88].

Результатом предпринятых усилий стало значительное изменение мышления, вследствие которого в западных и незападных странах усилилось влияние западно-либеральной идеологии, находящей поддержку среди значительной части населения. Таким образом, в разных государствах появляются управляемые анклавные, унифицированная культура и бездумно подчиняющееся большинство. Россия

¹ Обзор рынка оборонной промышленности США // Mordor Intelligence. URL: <https://www.mordorintelligence.com/ru/industry-reports/united-states-defense-market> (дата обращения: 02.02.2025).

² Передовое присутствие НАТО в Восточной Европе // Официальный сайт НАТО. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/topics_136388.htm (дата обращения: 02.02.2025).

стремится сохранить независимость и суверенитет, что требует значительных усилий для противостояния в гибридной войне. Однако Запад продолжает попытки дестабилизации внутренней обстановки, полагаясь на «долгую игру» и планомерное воздействие на сознание российского общества.

Мы можем утверждать, что против человека фактически развязана антропологическая война: с одной стороны, идет процесс уничтожения человеческой идентичности, с другой — борьба за ее сохранение. Мир оказался перед проблемой глобальной антропологической безопасности, где под угрозой находится не только природа как таковая, но и природа самого Человека.

Согласно принципам классической философии, таким как учение Платона о трёх частях души, и постулатам мировых религий, среди которых христианство, основой человеческой природы является биосоциодуховный «триединый фундамент». Биологическая идентичность выражается в гармонии с природой, социальная природа — в признании человека существом общественным, а духовное начало охватывает разум, нравственность и гуманность. Единство составляющих объясняет, почему попытки изменить хотя бы одну из них или манипулировать ими часто приводят к необратимым деструктивным последствиям. Еще с античных времен философы рассматривали гармонию как основной закон природы, который нельзя нарушать, и обсуждали пределы вмешательства человека в ее процессы. Гармония понималась как состояние упорядоченности и сбалансированности, при котором элементы мироздания взаимодействуют без разрушительных противоречий. Она представляла собой идеальный порядок, обеспечивающий устойчивость бытия. Протагор в V веке до н. э. говорил: «Человек есть мера всех вещей» [5], подчеркивая центральную роль человека в мироздании и его взаимодействии с природой.

История вмешательства в природу начинается с XVII века, когда после

средневековой эпохи богопослушания и веры в Бога как создателя природы и человека наука отделилась от религии. В лице Фрэнсиса Бэкона наука стала новым способом познания и преобразования природы [19, с. 159]. Изучая природные законы, человек начал подчинять их себе, эксплуатировать и заставлять природу работать на себя, часто пренебрегая гармонией и мерой вмешательства в ее естественные процессы.

Сегодня ученые-трансгуманисты стремятся подчинить себе природу человека, ставя целью овладение его генетическим, когнитивным и духовным (культурным) кодом. Ради установления власти развернулась война нового типа, сопровождаемая попытками создать новую посткапиталистическую формацию в виде инклюзивного капитализма и общества экзисма (от англ. access — «доступ»). Сторонники посткапитализма представляют его структуру как систему, где население планеты сокращается и делится на два вида-класса: элиту, живущую в богатстве и процветании, и обслуживающий персонал.

Реализация идеи сокращения народонаселения, сформулированной в 1972 году в докладе «Пределы роста», вступила в активную фазу в 2019 году с началом пандемии COVID-19. Испытание дорого обошлось человечеству: хотя значительного сокращения населения не произошло, эксперимент состоялся. Маски, вакцинация, изоляция, потери близких, похороны в закрытых гробах, переход на онлайн-работу и учебу, заказы и доставка товаров на дом, социальная дистанция — все это стало частью нового образа жизни. Эксперимент неожиданно для его инициаторов оказал значительное воздействие на расчеловечивание общества, подрывая его социальную природу. Одним из методов десоциализации стала социальная атомизация, усугубившаяся цифровизацией, в рамках которой были предложены новые технологии взаимодействия на расстоянии.

С начала XXI века ментальная война, использующая новейшие технологии,

вступила в активную фазу и охватывает практически весь глобализированный мир. Поддерживаемая транснациональными корпорациями, IT-гигантами, контролирующими СМИ и социальные сети, а также фондами, такими как Фонд Сороса, она направлена на стандартизацию культур, разрушение систем образования, подрыв национальной, семейной, расовой и гендерной идентичности. Развитие искусственного интеллекта, биоинженерии и цифровых платформ ускоряет распространение трансгуманистических идей, представляемых как неизбежный этап эволюции человечества. Глобальные корпорации и научные институты активно продвигают концепции киборгизации и генетической модификации, а медийные ресурсы, контролируемые крупнейшими технологическими и финансовыми структурами, формируют представление о трансгуманизме как о естественном процессе. Усиление зависимости от цифровых технологий, интернета и виртуальной реальности способствует постепенному отказу от традиционных ценностей и духовных ориентиров. В странах Запада процессы трансформации развиваются стремительно, тогда как в России, Китае, Индии, исламском мире и Латинской Америке тысячелетние культурные коды оказывают сопротивление. Однако наднациональные структуры продолжают реализовывать долгосрочные стратегии, ориентируясь на примеры исчезнувших цивилизаций, таких как Древний Египет и культура Месопотамии.

В настоящее время на пути планов США и наднациональных структур стоят Россия, Китай и исламский мир. Противостояние представляет собой столкновение двух проектов будущего, двух мировых порядков. Один основан на многообразии культур, народов и государств, другой отвергает принципы суверенного развития и направлен против человека. Победа в борьбе с Россией имеет для Запада особое значение, поскольку инструменты для достижения поставленной цели огра-

ничены. Ядерный потенциал России продолжает поддерживать баланс сил, а укрепление позиций БРИКС служит дополнительным барьером против западного влияния.

Заключение

Современный человек как никогда нуждается в упорядочении своего существования, в уменьшении негативного влияния различных опасностей и угроз на его физическое и ментальное поле деятельности. Иными словами, человек нуждается в безопасности. Однако пребывание человека одновременно и в статусе объекта, и в статусе субъекта подобного влияния существенно осложняет эту проблему.

Системе глобальной безопасности нужны существенные корректировки, в ней человек и его потребность в безопасности становятся приоритетными. Философских проблем в вопросах безопасности человека очень много, от этических дилемм до вопросов, касающихся глобальной выживаемости человека как антропологического вида. Подобные вызовы стоят на современной повестке особенно остро, и решать их предстоит всему человечеству в целом и каждому отдельному человеку в частности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Акулова, И. С., Ахметзянова, М. П. К проблеме экзистенциальной безопасности / И. С. Акулова, М. П. Ахметзянова // Интеллект. Инновации. Инвестиции. — 2015. — № 4. — С. 68–70. — EDN VPUPPX.
2. Аттали, Ж. Краткая история будущего: Мир в ближайшие 50 лет / Ж. Аттали ; пер. с фр. Е. Пантелеева. — Санкт-Петербург [и др.]: Питер, 2014. — 285 с.
3. Ахметзянова, М. П. Проблема экзистенциальной безопасности в «обществе риска» / М. П. Ахметзянова // Актуальные проблемы современной науки, техники и образования. — 2016. — Т. 2. — С. 94–96. — EDN WNCKIJ.

4. Бек, У. Общество риска. На пути к другому миру / У. Бек ; пер. с нем. В. Седельника и Н. Федоровой ; послесл. А. Филиппова. — М. : Прогресс-Традиция, 2000. — 384 с.

5. Волкова, Н. П. «Мера вещей» Протагора как критерий истины / Н. П. Волкова // Scholē. Философское антиковедение и классическая традиция. — 2019. — Т. 13, № 2. — С. 695–704. — EDN DSB DJH.

6. Георгиу, Т. С. Философия автоматизации и искусственного интеллекта: от мифологического Талоса до будущих киборгов / Т. С. Георгиу // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. — 2022. — № 1. — С. 68–75. — DOI 10.18384/2310-7227-2022-1-68-75. — EDN KC FRQU.

7. Зубофф, Ш. Эпоха надзорного капитализма: битва за человеческое будущее на новых рубежах власти / Ш. Зубофф; пер. с англ. А. Ф. Васильева; под науч. ред. Я. Охонько, А. Смирнова. — М.: Издательства Института Гайдара, 2022. — 781 с.

8. Калачев, Д. Н. Безопасность: эволюция понятия / Д. Н. Калачев // Тренды и управление. — 2014. — № 4. — С. 385–391. — EDN STJEKJ.

9. Киссинджер, Г. А. Мировой порядок / Г. А. Киссинджер; пер. с англ. В. Желнинова, А. Милюкова. — М.: АСТ, 2015. — 511 с.

10. Колеман, Дж. Комитет 300 / Дж. Колеман. — М.: Алгоритм, 2009. — 269 с.

11. Кузнецов, В. Н. Социология безопасности: формирование культуры безопасности в трансформирующемся обществе / В. Н. Кузнецов. — М.: Респубблика, 2002. — 367 с.

12. Лось, В. А. Оракулы XXI века. К 40-летию публикации первого доклада Римскому клубу «Пределы роста» / В. А. Лось // Государственная служба. — 2012. — № 2(76). — С. 91–94. — EDN OYPN FN.

13. Родионова, В. И., Руденко, А. М., Швачкина, Л. А. Модификации экзистенциала страха человека в современной

культуре и обществе / В. И. Родионова, А. М. Руденко, Л. А. Швачкина // Гуманитарий Юга России. — 2019. — Т. 8, № 2. — С. 93–105. — DOI 10.23683/2227-8656.2019.2.6. — EDN FZVUNQ.

14. Руденко, А. М., Воденко, К. В., Котлярова, В. В., Шестаков, Ю. А. Философия безопасности человека в пространстве виртуальной реальности / А. М. Руденко, К. В. Воденко, В. В. Котлярова, Ю. А. Шестаков // Гуманитарий Юга России. — 2016. — Т. 17, № 1. — С. 131–141. — EDN VM PRNL.

15. Харари, Ю. Н. Двадцать один урок для XXI века / Ю. Н. Харари; пер. с англ. Ю. Я. Гольдберга. — М.: Синдбад, 2019. — 412 с.

16. Харари, Ю. Н. Sapiens. Краткая история человечества / Ю. Н. Харари; пер. с англ. Л. Сумм. — М.: Синдбад, 2019. — 520 с.

17. Цикунов, А. К. Заговор мирового правительства: Россия и «Золотой миллиард» / А. К. Цикунов. — Б. м., 1994. — 79 с.

18. Чекмарев, В. В., Чекмарев, В. В. Священный эгоизм (о социально-экономической безопасности человека и социума) / В. В. Чекмарев, В. В. Чекмарев // Философия хозяйства. — 2021. — № 2 (134). — С. 79–97. — EDN LYDHNS.

19. Чешев, В. В. Ф. Бэкон о деятельном субъекте познания / В. В. Чешев // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. — 2022. — № 70. — С. 156–166. — DOI 10.17223/1998863X/70/14. — EDN BECNWK.

20. Шваб, К., Маллере, Т. COVID-19: Великая перезагрузка / К. Шваб, Т. Маллере. — М.: Форум издательство, 2020. — 97 с.

21. Biggeri, M., Tapia, H. Human Security in the Anthropocene: A New Base for Action / M. Biggeri, H. Tapia // Journal of Human Development and Capabilities. — 2023. — No. 24 (3). — P. 253–262. — DOI 10.1080/19452829.2023.2196061.

22. Busby, J. Beyond internal conflict: The emergent practice of climate security / J. Busby // Journal of Peace

Research. — 2020. — No. 58. — P. 186–194. — DOI 10.1177/0022343320971019.

23. Cenevska, I. Environmental Protection Meets Security of Electricity Supply / I. Cenevska // *Transnational Environmental Law*. — 2021. — No. 10. — P. 365–382. — DOI 10.1017/S2047102521000054.

24. Duffy, R. Crime, Security, and Illegal Wildlife Trade: Political Ecologies of International Conservation / R. Duffy // *Global Environmental Politics*. — 2021. — No. 22 (2). — P. 23–44. — DOI 10.1162/glep_a_00645.

25. Gelardi, M. Blurring Borders: Investigating the Western/Global South Identity of Human Security / M. Gelardi // *Alternatives: Global, Local, Political*. — 2020. — No. 45 (2). — P. 143–161. — DOI 10.1177/0304375420929586.

26. Goldfarb, A., Lindsay, J. Prediction and Judgment: Why Artificial Intelligence Increases the Importance of Humans in War / A. Goldfarb, J. Lindsay // *International Security*. — 2022. — No. 46 (3). — P. 7–50. — DOI 10.1162/isec_a_00425.

27. Graziano, M. S. A. Rethinking Consciousness: A Scientific Theory of Subjective Experience / M. S. A. Graziano. — New York: W. W. Norton & Company, 2019. — 224 p.

28. Hamdani, S. W. A., Abbas, H., Janjua, A. R., Shahid, W., Amjad, M. F., Malik, J., Murtaza, M. H., Atiquzzaman, M., Khan, A. W. Cybersecurity Standards in the Context of Operating System / S. W. A. Hamdani, H. Abbas, A. R. Janjua, W. Shahid, M. F. Amjad, J. Malik, M. H. Murtaza, M. Atiquzzaman, A. W. Khan // *ACM Computing Surveys (CSUR)*. — 2021. — No. 54. — P. 1–36.

29. Leep, M. Introduction to the Special Issue: Multispecies security and personhood / M. Leep // *Review of International Studies*. — 2023. — No. 49 (1). — P. 181–200. — DOI 10.1017/S0260210522000663.

30. Mann, S. R. Chaos Theory and Strategic Thought / S. R. Mann // *Parameters*. — Autumn 1992. — P. 54–68.

31 Tanke, S. Japan's narrative on human security: international norms, diplomatic identity and recognition / S. Tanke // *Japan Forum*. — 2021. — No. 34 (3). — P. 419–442. — DOI 10.1080/09555803.2021.1876140.

REFERENCES

1. Akulova, I. S., Akhmetzyanova, M. P. (2015) On the problem of existential security. *Intellekt. Innovatsii. Investitsii*, no. 4, pp. 68–70. <https://elibrary.ru/vpuppx>.

2. Attali, J. (2014) *A Brief History of the Future: The World in the Next 50 Years*. [trans. from French by E. Panteleev]. Saint Petersburg [et al.], Piter, 285 p.

3. Akhmetzyanova, M. P. (2016) The problem of existential security in the “risk society.” *Actual Problems of Modern Science, Technology and Education*, vol. 2, pp. 94–96. <https://elibrary.ru/wncikj>.

4. Beck, U. (2000) *Risk Society: On the Way to Another World*. [trans. from German by V. Sedelnik, N. Fedorova; afterword by A. Filippov]. Moscow, Progress-Traditsiya, 384 p.

5. Volkova, N. P. (2019) Protagoras' “Measure of all things” as a criterion of truth. *Schole. Filosofskoe antikovedenie i klassicheskaya traditsiya*, vol. 13, no. 2, pp. 695–704. <https://elibrary.ru/dsbdjh>.

6. Georgiu, T. S. (2022) *Philosophy of Automation and Artificial Intelligence: From Mythological Talos to Future Cyborgs*. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki*, no. 1, pp. 68–75. <https://doi.org/10.18384/2310-7227-2022-1-68-75>. <https://elibrary.ru/kcfrqu>.

7. Zuboff, S. (2022) *The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power*. [trans. from English by A. F. Vasiliev; scientific ed. Ya. Okhonko, A. Smirnov]. Moscow, Gaidar Institute Publishing House, 781 p.

8. Kalachev, D. N. (2014) *Security: Evolution of the Concept*. *Trendy i*

upravlenie, no. 4, pp. 385-391. <https://elibrary.ru/stjekj>.

9. Kissinger, H. A. (2015) *World Order*. [trans. from English by V. Zhelninov, A. Milyukov]. Moscow, AST, 511 p.

10. Coleman, J. (2009) *Committee of 300*. Moscow, Algoritm, 269 p.

11. Kuznetsov, V. N. (2002) *Sociology of Security: Formation of Security Culture in a Transforming Society*. Moscow, Respublika, 367 p.

12. Los, V. A. (2012) *Oracles of the XXI century. On the 40th anniversary of the first report to the Club of Rome "The Limits to Growth"*. Gosudarstvennaya sluzhba, no. 2(76), pp. 91-94. <https://elibrary.ru/oypnfn>.

13. Rodionova, V. I., Rudenko, A. M., Shvachkina, L. A. (2019) *Modifications of the existential of fear of a person in modern culture and society. Gumanitarii Yuga Rossii*, vol. 8, no. 2, pp. 93-105. <https://doi.org/10.23683/2227-8656.2019.2.6>. <https://elibrary.ru/fzvunq>.

14. Rudenko, A. M., Vodenko, K. V., Kotlyarova, V. V., Shestakov, Yu. A. (2016) *Philosophy of human security in virtual reality. Gumanitarii Yuga Rossii*, vol. 17, no. 1, pp. 131-141. <https://elibrary.ru/vmprnl>.

15. Harari, Y. N. (2019) *21 Lessons for the 21st Century*. [trans. from English by Yu. Ya. Goldberg]. Moscow, Sindbad, 412 p.

16. Harari, Y. N. (2019) *Sapiens: A Brief History of Humankind*. [trans. from English by L. Summ]. Moscow, Sindbad, 520 p.

17. Tsikunov, A. K. (1994) *The Conspiracy of the World Government: Russia and the "Golden Billion."* B.m., 79 p.

18. Chekmarev, V. V., Chekmarev, V. V. (2021) *Sacred egoism (on the socio-economic security of man and society). Filosofiya khozyaystva*, no. 2(134), pp. 79-97. <https://elibrary.ru/lydhhs>.

19. Cheshev, V. V. (2022) *F. Bacon on the active subject of cognition. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*.

Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya, no. 70, pp. 156-166. <https://doi.org/10.17223/1998863X/70/14>. <https://elibrary.ru/becnwk>.

20. Schwab, K., Malleret, T. (2020) *COVID-19: The Great Reset*. Moscow, Forum Publishing, 97 p.

21. Biggeri, M., Tapia, H. (2023) *Human Security in the Anthropocene: A New Base for Action. Journal of Human Development and Capabilities*, vol. 24, no. 3, pp. 253-262. <https://doi.org/10.1080/19452829.2023.2196061>.

22. Busby, J. (2020) *Beyond internal conflict: The emergent practice of climate security. Journal of Peace Research*, vol. 58, pp. 186-194. <https://doi.org/10.1177/0022343320971019>.

23. Cenevska, I. (2021) *Environmental Protection Meets Security of Electricity Supply. Transnational Environmental Law*, vol. 10, pp. 365-382. <https://doi.org/10.1017/S2047102521000054>.

24. Duffy, R. (2021) *Crime, Security, and Illegal Wildlife Trade: Political Ecologies of International Conservation. Global Environmental Politics*, vol. 22, no. 2, pp. 23-44. https://doi.org/10.1162/glep_a_00645.

25. Gelardi, M. (2020) *Blurring Borders: Investigating the Western/Global South Identity of Human Security. Alternatives: Global, Local, Political*, vol. 45, no. 2, pp. 143-161. <https://doi.org/10.1177/0304375420929586>.

26. Goldfarb, A., Lindsay, J. (2022) *Prediction and Judgment: Why Artificial Intelligence Increases the Importance of Humans in War. International Security*, vol. 46, no. 3, pp. 7-50. https://doi.org/10.1162/isec_a_00425.

27. Graziano, M. S. A. (2019) *Rethinking Consciousness: A Scientific Theory of Subjective Experience*. New York, W. W. Norton & Company, 224 p.

28. Hamdani, S. W. A., Abbas, H., Janjua, A. R., Shahid, W., Amjad, M. F., Malik, J., Murtaza, M. H., Atiquzzaman, M., Khan, A. W. (2021) *Cybersecurity Standards in the Context of Operating System*.

ACM Computing Surveys (CSUR), vol. 54, pp. 1-36.

29. Leep, M. (2023) Introduction to the Special Issue: Multispecies security and personhood. *Review of International Studies*, vol. 49, no. 1, pp. 181-200. <https://doi.org/10.1017/S0260210522000663>.

30. Mann, S. R. (1992) Chaos Theory and Strategic Thought. *Parameters*, Autumn, pp. 54-68.

31. Tanke, S. (2021) Japan's narrative on human security: international norms, diplomatic identity and recognition. *Japan Forum*, vol. 34, no. 3, pp. 419-442. <https://doi.org/10.1080/09555803.2021.1876140>.

For citing: Kovalev, A. A. (2025)
Mental and existential human security
as a philosophical problem in the context
of digital transformation.
Sotsium i vlast/Society and Power, 22 (2), pp. 7–25.
<https://elibrary.ru/wlscts>.

SCIENTIFIC ARTICLE

EDN WLSCTS
HAC (Higher Attestation Commission) 5.7.7
UDC 1:004
Code of State Categories Scientific
and Technical Information 02.41.11

MENTAL AND EXISTENTIAL HUMAN SECURITY AS A PHILOSOPHICAL PROBLEM IN THE CONTEXT OF DIGITAL TRANSFORMATION

Andrey A. Kovalev,

Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
North-West Institute of Management — branch,
Associate Professor, Department of State
and Municipal Administration,
Cand. Sc. (Political Sciences), Associate Professor.
Saint Petersburg, Russia.
SPIN 1380-8790
ORCID 0000-0002-7760-5732
Researcher ID: ABN-1776-2022
E-mail: kovalev-aa@ranepa.ru

Abstract

Introduction. Threats posed by the development of digital technologies, hybrid forms of confrontation, and the transformation of human nature create a new dimension of global security, in which humans become both the source and target of threats. The impact on the cognitive, mental, and existential spheres transforms security into a philosophical problem of preserving human existence itself.

The purpose of the study is philosophical reflection on the existential and mental human security in the context of a new type of war characterised by algorithmic control, simulated environments, and the strategic destruction of subjective integrity.

Methods. The study is based on systemic, anthropological, and axiological approaches that allow us to identify the relationship between digital technologies, mental forms of influence, and the loss of the ability to discern, critically judge, and determine one's own identity.

Scientific novelty of the research. The author presents a conceptual justification of existential and mental security as extreme categories of philosophical analysis in the context of cognitive warfare, which replaces freedom of behaviour with programmed decisions and proposes a philosophical rethinking of mental security as an ontological boundary separating humans from programmed existence.

Results. The author formulates and systematises typology of threats, ranging from climatic and biological to mental and anthropological ones; justifies a classification of security systems by type of impact and vulnerability structures. It is established that mental impact functions as a key instrument of hybrid warfare aimed at destroying the cognitive core of the personality.

Conclusions. The philosophy of security needs to be rethought as a system of protection not only from physical destruction, but also from the semantic erosion of human nature. Mental and existential security appears as a condition for preserving what is human in a person — their freedom, rationality, and cultural continuity in a world where threats are formed within the technological environment itself.

Keywords:

human,
hybrid wars,
safe existence,
impact,
information,
security systems,
mental confrontation

Article received: 26.11.2024

Reviews received: 06.05.2025

Accepted for publication: 12.05.2025

Copyright: © Kovalev A. A. (2025).
Published by Chelyabinsk branch of RANEPa.
Open access under CC BY-NC License 4.0.